

ЭЛЕМЕНТЫ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В ТВОРЧЕСТВЕ ЭФФЕНДИ КАПИЕВА

Исмаилова (Сутаева) Зарема Рамазановна

Кандидат филологических наук, старший научный
сотрудник Института языка, литературы и искусства
им. Г. Цадаасы ДФИЦ РАН
zarema.sutaeva@mail.ru

SMALL GENRES OF MEMOIR PROSE BY EFFENDI KAPIEV

Z. Ismailova (Sutayeva)

Summary: The work of Effendi Kapiev occupies a special place in Dagestan literature. During his short life, Kapiev managed to do a lot, both in poetry and in prose. A lyricist in his worldview, Kapiev appears as a poet in his prose. There are two main directions in Kapiev's diaries: pre-war entries and front-line entries. The self-sufficient artistic value of the diaries, especially the "Front Records", is undoubtedly. The depiction of the war and its tragic cataclysms is reflected in the diaries in a variety of entries, distinguished by genre and thematic diversity. Thus, both memoirs of Effendi Kapiev, "Dagestan Records" and "Front-line Records", are a reflection of life at that time both in Dagestan and even in the country as a whole.

Keywords: diaries, "Dagestan entries", "Front-line entries", memoirs, style, memories, genre of diaries.

Аннотация: Творчество Эффенди Капиева занимает особое место в дагестанской литературе. За свою недолгую жизнь Капиев многое сумел сделать, как в поэзии, так и в прозе. Лирик по мировосприятию Капиев и в прозе своей предстает как поэт. Исследование дневниковой прозы поэта свидетельствует о стремлении автора изучить и понять историю человеческой культуры, культуры как истории искусства во всех его проявлениях: музыки, поэзии, живописи. Интерес Эффенди Капиева к живописи прослеживается во многих его произведениях, это проявляется в сравнениях и образах его прозы. Интерес и любовь к изобразительному искусству проходит через все творчество Эффенди Капиева, обогащая его произведения образами живописи.

Ключевые слова: дневники, «Дагестанские записи», «Фронтовые записи», стиль, пейзажные зарисовки, образы живописи, колорит, жанр дневников.

Различные аспекты творчества Э. Капиева исследованы в литературно-критических работах и научных монографиях К. Султанова, А. Комескова, Х. Тамадаевой, М. Чудаковой, Л. Шиловой, Ш. Мазанаева, С.Х. Ахмедова, в работе Н. Капиевой «Жизнь, прожитая набело». В них творчество писателя, его талант и художественные поиски рассматриваются как в связи с его творческой эволюцией, так и в связи с историей всей дагестанской литературы. Творчество его рассматривалось также в «Очерках дагестанской советской литературы», «Истории дагестанской советской литературы», «Очерках лакской советской литературы», в сборнике статей «Эффенди Капиев и его роль в развитии дагестанской советской литературы», в 3-х томной истории лакской литературы С.Х. Ахмедова и других работах.

Творчество Эффенди Капиева занимает особое место и в дагестанской литературе. Прожив недолгую, но яркую жизнь, он оставил незабываемый след, как в поэзии, так и в прозе. Но эти две линии его творчества не отделены резкой гранью. Лирик по мироощущению, Эффенди Капиев и прозу свою создавал как поэт. Об этом говорит не только ритм и энергия его произведений, но и их тематика.

Так, книга «Поэт», имеющая реального прототипа – поэта Сулеймана Стальского, тем не менее, не является фактографической биографией поэта. Э. Капиев создал обобщенный образ народного поэта. Как писал С.М. Хай-

буллаев: «В основу сюжета книги «Поэт» легла канва жизненной творческой судьбы Сулеймана Стальского. Но в облике поэта, в герое одноименной книги сплелись характеры и талант слепого Рамазана, и мудрого Абуталиба, и поэтов бурной жизни Махмуда и Батырая, и талантливого Аява Акавова, и других известных и безымянных певцов Дагестана» [1; с.121].

В то же время, не будучи мемуарами, книга «Поэт», несомненно, имеет некоторые особенности мемуарно-биографического произведения. И это связано не только и не столько с образом Сулеймана, так как, хотя в основе этой книги и жизнь реального поэта, но, несомненно, что художественное обобщение превалирует. В то же время в этой книге есть и другой образ, в диалогах с Сулейманом он в тени, но он так же имеет реального прототипа – это образ автора Габиба. И здесь можно говорить не столько о автобиографической связи с жизнью Э. Капиева, а автопсихологической. Недаром, Н. Капиева отмечала, что «Эффенди отождествлял себя и повествователя» [2; с.112]. То есть Э. Капиев наделяет Габиба не фактами своей жизни, а своими мыслями, эмпирическими наблюдениями о жизни, поэзии, в том числе и о поэзии своего героя, Сулеймана. Образ повествователя в «Поэте» Э. Капиева отличается необычайной психологической достоверностью. Тут речь не о фактическом и хронологическом соответствии. Прежде всего, Э. Капиев отнюдь не стремится описать биографию реального поэта, по-

этому Сулейман в большей степени – образ, рожденный воображением Капиева. Но в то же время все, что связано с повествователем, его размышления, авторские ремарки, особенно в конце книги – «Московском дневнике», все сопряжено с Э. Капиевым, создавшем свое alter-ego в образе повествователя Габоба.

Особое место в этом плане занимает новелла в книге «Поэт» – «Времена года». Здесь Э. Капиев раскрывает не только новые грани образа Сулеймана, показывая, как следует воображение, поэтический дар Сулеймана за сменой времен года, но и собственное видение этого вечного круговорота природы. Уже в начале этой новеллы Э. Капиев описывает чередование времен года, уподобляясь живописцу, определяя каждому времени года его основной цвет: «Четыре времени года окружают меня своим сиянием: желтая осень, зеленое лето, белая зима, красная весна» [3; с.199]. Здесь Капиев выражает свое отношение к природе, его пленяет природное разнообразие красок, каждое время года характеризуется для поэта своим особым цветом. Капиев предстает перед нами скорее как живописец, чем как прозаик или даже поэт.

Шарль Бодлер, французский поэт и теоретик искусства, так определяет цвет в живописи: «Цвет – самое что ни на есть естественное и броское явление...». [4; с.94]. Мы видим, что Бодлер воспринимает цвет как поэт и художник, что сближает его мировосприятие взглядами на колорит Эффенди Капиева.

Как нам представляется, созвучность тем и настроений, сходность поэтического восприятия мира сближает поэтов самых разных народов. Так, эпиграфом к одной из записных книжек «Дагестанских записей» Капиев поставил стихотворение Хафиза о полноточной звезде. В этом стихотворении поэта Капиева восхищает гимн красоте природы и мирной, созидательной деятельности человека. Капиева поражает также созвучность этого стихотворения Хафиза его времени, несмотря на то что Хафиз писал это в четырнадцатом столетии. Поэтов Хафиза и Капиева сближает способность слушать звуки и видеть картины природы и мира, что говорит о духовной близости этих поэтов, несмотря на различие эпох и культур.

Впрочем, в записях Капиева, как уже упоминалось выше, не только размышления, пейзажные и бытовые зарисовки, там и исторические реминисценции, и записи личного характера, приметы времени, народные поговорки и легенды.

Вместе с тем для дневника Капиева, при всей его эклектичности характерна нередкая обращенность к читателю, как к брату, близкому человеку по духу: «Да, брат, я знаю Шекспира, я люблю Чайковского, я читал всех мировых классиков, от Флобера до Уолта Уитмена, я изучал

законы физики, электричества, любил русских пейзажистов, помню и знаком с философией, могу прочесть наизусть японские четверостишия, восточные притчи, Омар Хайама, Саади, - о люди, как я хорошо чувствую лирику и кино, музыку и культуру... Но к чему все это? Кому интересно – знаю или не знаю, чувствую или не чувствую? Никакого права рассчитывать на лучшую участь, чем другой рядовой я не имею и не могу» [5; с.257].

Из воспоминаний о поэте его жены, друзей, из этой и других записей его дневниковой прозы, мы видим его стремление изучить и понять историю человеческой культуры, культуры как истории искусства во всех его проявлениях: музыки, поэзии, живописи. Думается, это было не просто стремление к образованию, но и мучительные поиски самого себя, своего пути в искусстве, в жизни.

Интерес Э. Капиева к живописи прослеживается во многих его произведениях. Он нередко обозначает определенным цветом различные явления, сравнивая природу и живопись: «Туча, как филоновская волна» [3; с.260]. Упоминание Павла Филонова, одного из наиболее ярких и неординарных художников 30-х годов XX века, дает нам представление о художественном вкусе Э. Капиева. В его произведениях вообще нередки записи о живописи и художниках. Даже во «Фронтальных записях» есть упоминание о рубенсовских бликах на лицах девушек. Характерно, что Капиев отмечает это, будучи в лепрозории. Его сестра, Хабибат Джалалова, в своих воспоминаниях также вспоминает о его увлечении рисунком: «Эффенди уже в детстве хорошо рисовал, – больше всего лошадок. Рисовал и он и «портреты» - нас, девочек, по-детски, как умел» [6; с.123]. Как видим, интерес и любовь к изобразительному искусству проходит через все творчество Э. Капиева, обогащая его произведения образами живописи.

Очевидно, что автор предполагал использовать позднее материал своих дневников для создания уже иных произведений, но ранняя смерть помешала ему. Наталья Капиева так писала об этих замыслах Э. Капиева в своей, уже упомянутой, книге «Жизнь, прожитая набело»: «Замысел Эффенди Капиева опирался на скрещении двух возможностей. Первая – это «невыдуманность» (в том смысле, как его понимал Вересаев, отстаивая право подмеченного и записанного писателем многозначного факта на «самостоятельный художественный интерес»). И вторая – художественные приемы в прозе, то есть воплощение факта – сюжета в форме маленькой лирической новеллы, иногда даже «микронovelлы» [2; с.107].

Поэт предполагал назвать свою книгу «Мозаика» и замысел ее более зримо представлялся Капиеву, чем замысел другой, мемуарной по своему характеру книги, но которую он условно называл «Война и мир» (мир, как и у Толстого, в старорусском значении – мир, как «обще-

ство», «люди»). Как описывает ее сам писатель, он «хотел бы показать фронт и тыл, как виден пейзаж из окна мчащегося поезда. Глаз охватывает и лица людей, близлежащие предметы крупным планом, с деталями, – и даль огромного горизонта в его масштабности, – все в единстве, в беспрестанном движении, в смене фигур, событий, обстановки» [4; с.367].

Очевидно, его «Война и мир» мыслилась Капиеву чем-то вроде эмоциональной хроники, высокопоэтического документа, монтажа, калейдоскопических разнообразных записей. Сюда должны были войти материалы самого различного звучания: сделанная налету заметка в две-три строки, реплики, законченные сюжетные эпизоды, газетные факты, отрывки из корреспонденции военных лет, размышления автора. Связывать все это по замыслу автора, должна была не внешняя сюжетная связь, а единое направление авторской позиции, связь сцепления фактов, мыслей, расположенных в гигантских границах единого исторического действия [2; с.11].

Замыслы Капиева о его будущей книге ощущаются и во «Фронтowych записях», особенно их калейдоскопичность. Очень характерна, например, пейзажная за-

рисовка, присущая именно военному времени: «Среди развалин, на фоне обгорелой, черной стены кирпичного здания, зацвела израненная верба – нежным-нежным, зеленовато-бледным, как морская вода, пухом – черный фон пожараща неожиданно делает ее такой декоративно-красивой, тихой, кружевной» [5; с.184]. Именно пронзительная контрастность картин войны подчеркивается автором в этом фрагменте.

Эта способность Э. Капиева даже в самых трагических обстоятельствах хаоса, разрушения находить элементы гармонии и красоты явственно ощущается в его военных дневниках. Очень характерен для «Фронтowych записей» эпизод о лепрозории, где великолепная природа, где тишина, горы, сосны окружают людей, обреченных страшной болезнью на саморазрушение. Даже среди них Э. Капиев отмечает рубенсовские блики, особую светотень, проступившую на лицах больных девушек» [5; с.452].

Э. Капиеву не удалось воплотить свои творческие замыслы, связанные с «Фронтowymi записями», ему помешало слабое здоровье и ранняя смерть. Но самодовлеющая художественная ценность «Фронтowych записей» несомненна.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайбуллаев С.М. На пути поиска героя // Эфенди Капиев и его роль в развитии дагестанской советской литературы. Махачкала, 1981.
2. Капиева Н. Жизнь, прожитая набею. М., 1970.
3. Капиев Э. Поэт. М., 1984.
4. Бодлер Ш. Об искусстве. М., «Искусство», 1986.
5. Капиев Э. Фронтowych записи // Избранное. М., 1979.
6. Капиев Э. Воспоминания современников. Махачкала, 1975.

© Исмаилова (Сутаева) Зарема Рамазановна (zarema.sutaeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»